

является другим человеком. Вторая смена личности также связана со сменой имени: спасаясь от шантажа, Лукин забирает документы умершего человека и становится Алексеевым.

В романе «Во что бы то ни стало», в главе «Принцесса в роли поденщицы», перед читателем предстает целая труппа «актеров». Так, собрание будущих членов квартирной артели автор частично изображает средствами драматического произведения – довольно объемный отрывок текста построен как реплики, чередующиеся авторскими ремарками. Очевидно, этот прием используется Ахшарумовым для того, чтобы создать у читателя ассоциацию «жизнь – театр». Неслучайно во время собрания членов квартирной артели Елена признается, что «ждет конца заседания, как никогда в театре не ожидала развязки самой мучительно-интересной драмы» [1, с. 87].

Выводы

Итак, в романах Ахшарумова представлены самые разнообразные типы игры, которые актуализируются через персонажную систему, – это, прежде всего, черты характера героев – склонность к игре в разном виде: от карточной игры до игры чужими жизнями. Сама жизнь понимается многими героями

прозы Ахшарумова как игра, где что-то можно про- считывать, «выигрывать» благодаря удачному стечению обстоятельств. Особенно интересным кажется реализация мотива игры в романе «Во что бы то ни стало» через внешние, структурные средства, когда автор описывает собрание членов квартирной артели средствами драматического произведения, разделяя текст на реплики героев и авторские ремарки.

Литература

1. Ахшарумов, Н. Д. Во что бы то ни стало / Н. Д. Ахшарумов. – СПб., 1895.
2. Ахшарумов, Н. Д. Концы в воду: Роман, повесть / Н. Д. Ахшарумов. – М., 1996.
3. Ахшарумов, Н. Д. Мандарин: Роман в 4 ч. / Н. Д. Ахшарумов. – СПб., 1870.
4. Ахшарумов, Н. Д. Собрание сочинений: в 10 т. 1894–1895. Т. 5 / Н. Д. Ахшарумов. – СПб., 1895.
5. Ахшарумов, Н. Д. Чужое имя: Роман в 3 ч. Ч. 1–2 / Н. Д. Ахшарумов. – СПб., 1894.
6. Майорова, О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич / О. Е. Майорова // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: в 2 т. – М., 1992. – Т. 1. – С. 131–132.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – М., 2001.

УДК 821.161.1

Ю. В. Прасолова

Дальневосточный федеральный университет
(г. Владивосток)

ТВОРЧЕСТВО ВЛ. ВЕЩУНОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЫ О «МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

Исследуя творчество Вл. Вещунова, автор статьи находит общее и различное в трактовке и принципах создания образа «маленького человека» у представителей различных литературных направлений: реализма и постмодернизма. В ходе исследования выясняется, что причины экзистенциального одиночества героя Вл. Вещунова социально-философские. Выявляется концептуальное отличие темы «маленького человека» Вл. Вещунова: быт и бытие здесь трагически разделены, и это обуславливает трагичность образа «маленького человека».

«Маленький человек», современная, российская, литература, традиции.

A. Pushkin, N. Gogol, F. Dostoevskiy wrote about the “little person” in the 19th century. Currently R. Senchin, Vl. Veshchunov, N. Evdokimov and other Russian writers write about the same subject. This literary character is crushed by everyday life; he is embarrassed and humiliated by the circumstances of his life. Studying works by Vl. Veshchunov, the author finds out similarities and differences in the interpretation of the principles of creation of the image of the “little person” by representatives of different literary trends: realism and postmodernism. The study found out that the reasons for the existential loneliness of the character by Vl. Veshchunov are of social and philosophical kind. It reveals a conceptual characteristic of the theme of “the little person” by Vl. Veshchunov: everyday life and existence are tragically divided, and this causes the tragic image of the “little person”.

“The little person”, modern, Russian literature, traditions.

Введение

В 2000-е гг. в критический обиход вернулось понятие «маленького человека». И литераторы стали проявлять активный интерес к вопросу о «маленьком человеке» как герое современной российской прозы. Так, на втором заседании «Клуба новых российских писателей» при «Литературной газете» и Московском городском отделении Союза писателей России

молодые писатели и критики, в числе которых Р. Сенчин, Н. Горлова, В. Орлова и др., обсуждали эту тему [6]. Одной из интересных, хотя и в некоторых утверждениях спорных, на наш взгляд, обзорных критических статей, обращенных к теме «маленького человека» в прозе последних лет, стала работа С. Белякова «Призрак титулярного советника», опубликованная в «Новом мире» (2009 г.). Нельзя не

отметить научный подход С. Белякова к этой теме: критик делает попытку классифицировать способы изображения писателями своего героя – «маленького человека». Словом, литераторы сходятся во мнении, что герой современной российской литературы – это «маленький человек» [6], [9], [2], «современный Башмачкин» [6], «массовидный» [9] человек. Филолог, культуролог и социолог Б. Дубин назвал такого героя современной действительности “everyman”. “Everyman” – это человек обычный, живущий заурядной жизнью, для которого действием становится только то, что повторяемо. Однако “everyman” – понятие более широкое, культурологическое, понятие же «маленького человека» пришло из литературы и продолжает там же, в литературе, пребывать.

Основная часть

Очевидно, что с тех пор, со времен «Станционного смотрителя» А. Пушкина, «Шинели» Н. Гоголя, понятие «маленького человека» несколько изменилось. Мы разделяем мнение литераторов: «маленький человек» как герой литературы сегодня перестал восприниматься на фоне «больших людей» [6], он стал самостоятельным и самодостаточным героем. Можно, вероятно, утверждать, что этот герой узурпировал литературное пространство современности. Среди тех писателей, кто пишет о «маленьком человеке», Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Р. Сенчин, Ю. Буйда, Е. Гришковец, М. Москвина, Е. Чижова и др. Теперь «маленький человек», как нам видится, не претерпевает унижения и оскорбления. Теперь его жизнь – это, как правило, его выбор. А его жизнь – это рутина, бесконечная «чередa дней-близнецов» (Р. Сенчин). «Маленький человек» в литературе конца XX – начала XXI вв. разнообразен, однако, как мы считаем, представляет единый тип героя. Он, этот герой, может пытаться вырваться из рутины, как герои рассказов и повестей Вл. Вещунова. Он может сознательно и намеренно испытывать себя, не делая попыток выйти «за пределы», как герой Вл. Маканина (роман «Андеграунд, или герой нашего времени»). Он может не осознавать своего униженного положения и вполне гармонично существовать в данных обстоятельствах, как герои многих рассказов и повестей Т. Толстой, Л. Улицкой, Л. Петрушевской, Е. Чижовой, Н. Евдокимова. Такой герой может и осознавать и даже тяготиться своим посредственным существованием, на внешний взгляд вполне благополучным, как герой Р. Сенчина, и даже может делать вялые попытки что-то изменить, «как-то по-энергичней зажить», однако попытки ничего не дают, кроме смертельного финала (роман «Лед под ногами»). Вряд ли можно утверждать, что он многолик, поскольку лицо все же одно, лицо униженного и оскорбленного человека, униженного обстоятельствами жизни, невозможностью или нежеланием их изменить. Разнообразен теперь и социальный статус «маленького человека»: он может занимать престижную должность, как герой Р. Сенчина (менеджер Чашин из романа «Лед под ногами»). А может и вовсе не иметь никакого социального статуса, будучи человеком без определенного места жительства, – такие герои есть в повестях и рассказах Н. Евдоки-

мова («Счастливое кладбище»), Вл. Вещунова («Остров племени Било», «Потерянный»), в романе Вл. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени».

Писатель Р. Сенчин, чьи романы «Елтышевы» и «Зона затопления» входят в шорт-листы главных литературных премий России, определил существо своей темы «маленького человека». «Я пытаюсь писать о жизни ничем особенным не выдающихся, как Пушкин их называл, «ничтожных» людей... Жизнь большинства складывается из череды дней-близнецов, которые не запоминаются, не радуют и не огорчают, почти не отличаются. Настоящие события происходят очень редко. И вот эти бесцветные, «лишние» дни я беру для описания» [13]. В приморской литературе на тему «маленького человека» пишет Вл. Вещунов. Обращенность писателя к этой теме и литературные традиции, связанные с ней, были отмечены нами в критической статье [11, с. 18].

Владимир Николаевич Вещунов родился в п. Восемь Таджикской ССР. Потом его семья переехала на Урал, в Нижний Тагил. Здесь будущий писатель поступает в Уральское училище прикладных искусств, затем учится на филологическом факультете педагогического института. Позже переезжает в Приморье, и здесь начинает создавать стихи, рассказы, повести, здесь издаются его книги... Однако критика не была слишком внимательна ни к писателю, ни к его теме. Не существует и научных работ, посвященных его творчеству. Р. Сенчина и Вл. Вещунова, этих двух разных современных писателей объединяет пристальный интерес к «маленькому человеку», в изображении которого оба следуют традициям русской реализма. И у Вл. Вещунова герой также человек ничем не выдающийся, обыкновенный. Его персонажи – это бывшие деревенские старушки, одиноко доживающие жизнь в суетном, не ставшим родным, чужом городе с единственным светлым воспоминанием о деревенском житье-бытье. Об этом рассказы «Домовой», «Петровна». И здесь в творчестве Вл. Вещунова нами отчетливо прослеживаются традиции русской деревенской прозы с ее болью за простого труженика. Преемственность Вл. Вещуновым традиций деревенской прозы отмечалась нами в критической статье. «...Живы традиции той прозы с ее болью за простого труженика, каких и теперь много, затерявшихся в суете экономического, технического прогресса, политических передраг. Есть эти люди, и пишет о них владивостокский писатель Владимир Вещунов» [12, с. 248]. Считаем, душевные качества, которыми приморский писатель наделил своих героинь, – а это доброта, любовь и заботливость, услужливость, жертвенность, – в той или иной мере присущи героям А. Яшина, В. Распутина, В. Астафьева. Герои произведений Вл. Вещунова – это и бомжи, живущие своим мирком, уютным и обустроенным (рассказ «Остров племени Било»), пьяницы («Змеи небесные»). Наконец, герои приморского писателя те самые служащие из сословия Башмачкина: бухгалтеры (рассказ «Герния»), мелкие издатели (рассказ «Потерянный»). Их существование тоже заурядно.

Вл. Вещунов обращается к гоголевскому сюжету в одном из рассказов цикла «Истории Константина Державина». «Некий высокий свет забрезжил» «в прозябании» героя с покупкой наручных часов, и начинает меняться его жизнь; горе случилось, когда их украли, герой «осиротел». Однако в отличие от «Шинели» драма утраты здесь не перерастает в трагедию. Вл. Вещунов исследует привычное течение жизни. Сюжетная ситуация показывает обычную жизнь героев, и в этом привычном течении жизни разворачивается субстанциальный конфликт героя с укладом жизни и внутренний конфликт. Но, как мы выяснили, в отличие от Р. Сенчина, к примеру, Вл. Вещунов часто делает событием произведения как раз выдающееся, значительное происшествие в жизни своего героя. Иногда это происшествие, событие является причиной душевного прозрения или, по крайней мере, душевной смуты героя. Так, в рядовой жизни мелкого издателя Генриха Константиновича из рассказа Вл. Вещунова «Потерянный» становится событием исчезновение приятеля. В поисках исчезнувшего герой опускается на «дно», окунаясь в мир подвальной жизни, встречает отличных от него людей – опустившихся в привычном смысле слова, но нашедших себя в этом мире подвалов и криминала. Таким образом, это происшествие оборачивается для героя поисками собственного смысла жизни, поисками себя.

В основе сюжета повести «Герния» лежит повседневная жизнь героя, и единственным ярким событием в ней становится проявление болезни и затем – больница. Грыжа оказывается для героя важным событием, которое выбивает его из обыденности. Именно благодаря грыже Юрий Васильевич Девятьяров попадает в другую, больничную, атмосферу, в совсем другой мир. Даже испытания своему герою, «маленькому человеку», автор послал в виде совсем неблагородной болезни. Ведь что такое «уважаемый главбух, добропорядочный семьянин, дедушка» [4, с. 50], – стандартный набор жизненных заслуг самого обыкновенного хорошего человека. Больница служит для него и для таких же, как он, страдальцев своего рода укрытием от того внешнего мира, где они одиноки и не находят понимания. Именно поэтому латинское название болезни автор вынес в заголовки повести. Для героя это не болячка, это не заурядная грыжа, это – Герния, всколыхнувшая его застоявшуюся жизнь. Эта повесть об одиночестве «маленького человека». «Чувство одиночества поскребывало в груди Юрия Васильевича, как давешняя неведомая боль» [4, с. 49], и лишь герния оживляет его жизнь, становится для героя близким существом, сожительницей, спутницей. Повесть изобилует шокирующими физиологическими подробностями, потому что раз это является важным событием в жизни героя, об этом событии нужно подробно рассказать и передать всю значимость момента. Однажды В. Вещунова уже упрекали в том, что он «ступает за грань эстетически дозволенного» [10, с. 92]. Но именно так показывается беспросветно-страдающее существование героя-терпеливца. И здесь мы усматриваем традиции Вен. Ерофеева («Москва – Петушки»), Л. Петрушевской, Л. Улицкой – тех современ-

ных писателей, кто пишет о «маленьком человеке» и о его жизни во всех зачастую неприглядных бытовых подробностях. Однако у названных писателей изображаемый быт не является противоположностью бытию. Так, О. Богданова пишет о прозе Л. Петрушевской: «Абстрактно-отвлеченные понятия в прозе Петрушевской носят не философски-бытийный, а сниженно-бытовой характер: бытийное редуцируется до бытового, универсальное до стандартного, социальное до коммунального» [3, с. 380].

Концепция Вл. Вещунова нам видится иной: здесь быт и бытие трагически разделены. Герои В. Вещунова выброшены с подножки поезда истинной жизни, бытия в метель и стужу жизни обыденной, убийственно равнодушной и жестокой – именно так видится общий смысловой план рассказа «Кони-звери». Как «слепые кутята» мыкаются они, потерянные, в этом мире и ищут себя, свой путь. В поиске доходят порой до дна жизни, как герои рассказа «Потерянный». Традиционен Вл. Вещунов и в изображении героя на «дне» жизни. Ведь больница – это не только тот «футляр», в котором герой неожиданно для самого себя оказывается и закрывается от опостылевших будней, но и то самое «дно» жизни.

Герои Вл. Вещунова часто становятся выброшенными за борт жизни. Потеряв семью, работу или здоровье, они оказываются на «дне», они живут на свалке, в подвалах или оказываются среди больничных стен. Однако здесь герои приморского писателя находят свой утопический рай, свою скорлупку, свой футляр, они скрываются от одиночества в толпе, от социальных передрыг здесь, на «дне», – будь то больница или свалка. Сновидения – еще один способ ухода от действительности для «маленьких» людей Вл. Вещунова.

Героев Вл. Вещунова, как и героев Р. Сенчина, семья не спасает от экзистенциального одиночества. Для героя В. Вещунова семья – это иллюзия счастья, иллюзия опоры в этом скучном мире, где он слаб и одинок. Одинок герой из повести В. Вещунова, и лишь одна у него верная спутница – паховая грыжа, Герния. У Чащина из романа «Лед под ногами» Р. Сенчина семьи и вовсе нет, живет один, ему так удобно.

Критик С. Беляков справедливо подметил, что герой произведений Р. Сенчина, «современный горожанин, офисный работник» живет «безысходно» [2]. У Вл. Вещунова, надо отметить, нет тотальной безысходности: прорывается свет мировой гармонии к людям. По мысли писателя, мир изначально гармоничен, все в нем взаимосвязано и взаимообусловлено. Потому мир вещей и природы часто олицетворяется, а люди сравниваются с природными явлениями. В рассказе «Детская горка» «человек-туман», чья жизнь склонилась к закату, наблюдает за первыми шагами малыша, осваивающего мир. Так одно сменяет другое, круг бытия вечен... Образно рисуется мысль об идеальной гармонии мира – гармоническом сосуществовании мира Человека и мира Природы – в рассказе «Река». Река, Долина, Берег, Человек – все они являются героями этого произведения, потому что все это – живое, все равноправны. И лишь Человек не признает равенства, ибо «себялюбив», «зави-

стлив» и «высокомерен». Он вторгается в мир терпеливицы-природы, и становится Река, свободная и полноводная, Речкой-арестанткой. Нарушив гармоническую целостность мира ради материального комфорта, человек теперь живет «в разобщенном мире, как сознание шизофреника» [4, с. 110] и сам тоскует от подспудного осознания «невозможности целостности» [4, с. 110]. Так что, по мысли писателя, несовершенство мира – есть дело рук самого человека и одновременно причина его тоски и одиночества.

Социум, настоятельно мешающий гармоническому, а значит, счастливому, слиянию с бытием в рассказах повестях В. Вещунова рисуется образно, и вместе с тем писатель очень конкретен в изображении социальных и даже социально-политических проблем современной России. В рассказе «Квадратная луна» «желтый» дом – психиатрическая лечебница – это метафора больного общества, и еще точнее – российского общества.

Таким образом, проблема экзистенциального одиночества человека у Вл. Вещунова (назовем ее вслед за автором «нет счастья на земле») – социально-философская, поскольку в его концепции мира и человека одиночество человека – есть результат деятельности самого человека, грубо вмешивающегося в Природу, разрушающего ее. Социальный и философский аспекты проблемы одиночества и трагичности существования человека на земле, как мы считаем, здесь неразделимы, причинно-следственные связи сущего очевидны.

У другого современного писателя, снискавшего заслуженное внимание, как критиков, так и читателей, Р. Сенчина та же проблема экзистенциального одиночества, на наш взгляд, уже состоит из двух аспектов: и социального, и философского. Между тем, критик С. Беляков социальных причин одиночества главного героя романа Р. Сенчина «Лед под ногами» не усматривает вовсе. «Не в распаде общества дело, – пишет С. Беляков, подмечая лишь один аспект проблемы одинокого существования «маленького человека» Чашина – философский, – ведь экзистенциальное одиночество и экзистенциальный ужас – вовсе не плоды современной цивилизации. Человеческая природа не менялась уже давно. На этом свете, как известно, скучно, но что делать» [2].

С. Беляков явно не замечает другой, социальный, аспект, а он здесь есть, на наш взгляд. Ведь Чашин, что называется, – продукт своего времени. Он – это реакция (или рефлексия) с одной стороны, времени брожения 80-х и потом бурных, революционных 90-х и, с другой стороны, времени успокоенности 2000-х. Роман Р. Сенчина композиционно выстроен так, что становится предельно понятной история жизни главного героя и причины ее конца. Пространственно-временной план прошлого – советское детство героя, одним из самых отчетливых воспоминаний из которого является очередь, символ советской жизни, перестроечные годы, на фоне которых зрел протест, подпитываемый песнями рок-кумиров, августовский путч 1991-го года, встреченный с восторгом, – объясняет причины теперешнего состояния героя и трагического его конца. Тягуче-обывательское, сомна-

булическое, мертвое существование Чашина сегодняшнего – это, по нашему мнению, результат обманутых надежд, которые питал Чашин в своей протестной молодости. Он из поколения «Курьеров, Маленьких Вер, Роковых Ошибок» [14, с. 83], возвращенного на протесте, который ни к чему не привел и никому оказался не нужен. Чашин, впрочем, как и его друг Димыч, из поколения не перестроившихся на новый общественно-политический лад жизни, из поколения не вписавшихся в бодрый поток нового времени, ловких, гибких и предприимчивых. Рок-кумиры, на песнях которых и вырос тот протест, который стал для Чашина на определенный период смыслом жизни, свою миссию выполнили сполна, доведя до конца свой протест, влив его в души своих преемников. Димыч говорит о них: «Вон эти, на десять лет старше, да даже на семь каких-то, – и смогли. Цой, Сашбаш, Кинчев, Летов, Янка, Ревякин. Они уже – навсегда» [14, с. 83]». Новое поколение – они умеют приспосабливаться, они политкорректны, не в протесте их жизнь. «И эти теперь, кому за двадцать только, они уже шатают, грызут» [6, с. 83]. А он, Чашин, из того поколения, из тех, кто как будто «для другого историей были предназначены» [14, с. 171], но в результате «пшик один получился» [14, с. 83] – «потерянное поколение».

Давно смирившийся, покорно-равнодушный Чашин вслед за неугомонившимся Димычем, все еще пытающимся нагнать то время «сладостной трясины протеста» [14, с. 82], идет на митинг, но оказывается, что узаконенный протест (разрешенный, согласованный с властями митинг) – это уже не протест, это – фарс. Эта ситуация для восторженного было, почувствовавшего интерес к происходящему Чашина убеждает его в правильности выбранного стиля жизни – жизни по накатанной, скучной, обывательской, без всплесков и волнений, без друзей и любимых, без любви и ненависти. Былого не вернешь... И он снова делает не то, что хочет, а хочет он нечасто, и снова он гасит свои единичные порывы «поактивней зажить» [14, с. 55].

От прежней жизни не осталось ничего, «своих» теперь нет, они превратились в собственный негатив. Таким «негативом положительного героя» в романе выступает Сибя, в котором «ничего от прежнего не осталось» [14, с. 240]. Это с раздражением замечает Чашин, совсем как некогда герой рассказа В. Аксенова «Негатив положительного героя» видит, что давешний дружок Юра Ренья теперь «смылся и несколько видоизменился» [1, с. 31], «приобрел некоторый негатив противовесом к своей позитивной каррикулум витэ» [1, с. 31]. Впрочем, в романе Р. Сенчина, с позиции главного героя собственными антиподами выглядят и старый соратник Димыч, и Макс, когда-то добрый бескорыстный тонкокостный паренек, теперь увлеченный порнобизнесом. Что говорить, сам Чашин является негативом положительного героя: когда-то смелый, ищущий, бескомпромиссный идеалист, а теперь – «зомби», по выражению Димыча. Как видно, эта проблема скоротечности жизни не сиюминутная, не зависит от состояния общества. Вот здесь уже конкретика социальности уступает место философской проблеме безвозвратно

ушедшего времени, здесь в романе Р. Сенчина солирует философский аспект проблемы экзистенциального одиночества.

Критик С. Беляков утверждает, что «маленький человек» в произведениях современных писателей деградировал и морально устарел [2]. Это утверждение нам представляется весьма спорным. Объем современной художественной и критической литературы, посвященной этому герою, указывает на актуальность этого образа. Кроме того, считаем, что современный «маленький человек» не деградировал, а наоборот, эволюционировал: теперь он офисный работник, писатель или издатель, и смысл жизни видится им совсем не в шинели. Многие из них стремятся к духовным вершинам и восходят к ним. Таковы герои рассказов Вл. Вещунова «Потерянный», «Остров племени Било» и другие, герой повести Н. Евдокимова «Счастливое кладбище». «Счастливое кладбище» – это прибежище умерших для социума людей. Это кладбище надежд, однако это счастливое пристанище, поскольку именно здесь герои нашли свое место, успокоились и зажили собственным миром, обутили его и обустроили. Так изображает свалку Н. Евдокимов в своей повести, так же показывает это место и жизнь его обитателей приморский писатель Вл. Вещунов («Остров племени Било»). И оба писателя, каждый в своей творческой манере, усматривают во внешне опустившемся человеке благородство души. Так, Краюхин из повести Н. Евдокимова «Счастливое кладбище» – бомж, почти потерявший внешний человеческий облик, оказывается самым человечным: выносит из руин помойки женщину, пытается ее спасти, и оказывается наказанным за это. Он унижен и раздавлен окончательно, это предел, дальше пути нет... в этой жизни, и герой превращается в собаку. В жизни нет места состраданию. Добро оказывается наказанным, мир будто вывернут наизнанку. Человек воплотился в собаке, потому что в этой реальности нет места человеколюбию. Заметим, в этом произведении Н. Евдокимова есть реминисценции повести Г. Владимова «Верный Руслан, история караульной собаки», здесь также собака оказывается высшим существом, а не человеком.

Особый, другой взгляд на «маленького человека» у Л. Улицкой. Критика отмечает «классовый» подход писательницы в изображении «маленького человека», который означает презрение автора к своим малообразованным героям «низкого» социального происхождения [2]. Однако, считаем, что низкое социальное происхождение или положение героев Л. Улицкой не исключает их высоких душевных качеств. Вспомним одну из героинь цикла рассказов Л. Улицкой «Девочки», которая жертвует своей честью, ради того, чтобы купить обожаемой учительнице букет любимых ею цветов. Кстати, самой простодушной героиней этот поступок как жертвенный не осознается. Она отдает свою честь запросто, потому что у нее есть высшая цель, продиктованная любовью к своей учительнице, и именно потому она остается чистой, невинной душой. К тому же это привычный в ее социальной нише стиль жизни. Так живет ее мать, приводя любовников в их с дочерью

маленькую барачную комнату. По сравнению с этой героиней, Тома из романа «Казус Кукоцкого» другая.

«Как Шариков в глазах Преображенского и Бормета остается существом низшего порядка, так и Тома, выйдя замуж и сделав карьеру, все-таки остается плебейкой» [2]. И дело тут, как нам видится, в возможностях уровня душевной, духовной организации. Той же плебейкой остается и другая героиня Л. Улицкой Лидия из рассказа «Цю-юрих», несмотря на то, что жадно училась, получила множество профессий, трудясь, достигла материального благополучия. Формально она обрела высокий социальный статус, но вместе с опытом жизни не пришло душевное благородство. Между тем именно благородство, великодушие есть одно из свидетельств истинной интеллигентности, ее признак.

При всей разности героинь Л. Улицкой, девочки, с одной стороны, и Тома-Лидии с другой, есть между ними общее: автор отказывает им в душевной чуткости, пусть в разной мере. И нет здесь явной оценки, Л. Улицкая, подобно героям-врачам из собственных произведений, препарировать своих персонажей, но она не выносит им приговора. Так, один из критиков как раз благородную Таню, а не плебейку Тому порицал, называл растением, живущим без цели и смысла.

Выводы

В заключение скажем, что наличие такого героя в современной литературе, как «маленький человек» – это несомненный факт. Данностью является и то, что сегодня в литературе отсутствует действительно героическая личность. Как мы увидели, «маленький человек» является маленьким уже не только и не столько по своему жизненному статусу (часто невысокий служебный чин, заурядные условия и способ существования), он «маленький» перед лицом вечности и бесконечности. Образ такого героя обретает философское значение, определяет философскую проблематику в произведениях Вл. Вещунова. А трагичность этого образа в творчестве приморского писателя предопределена невозможностью гармонического слияния мира человека и мира природы, быта и бытия.

Литература

1. Аксенов, В. П. Негатив положительного героя / В. П. Аксенов. – М., 1996.
2. Беляков, С. Призрак титулярного советника / С. Беляков // Новый мир. – 2009. – № 1. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/1/be14-pr.html (дата обращения: 10.10.2015)
3. Богданова, О. Технология «мрака» в прозе Л. Петрушевской / О. Богданова // Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-е – 90-е годы XX века – начала XXI века). – СПб., 2004.
4. Вещунов, В. Н. Встреча с жизнью: повести и рассказы / В. Н. Вещунов. – Владивосток, 2009.
5. Вещунов, В. Н. Остров племени Било: рассказ / В. Н. Вещунов // Литературный Владивосток. – 2003. – С. 120–130.
6. Горлова, Н. Герой текущей литературы. Современный Башмачкин, какой он? / Н. Горлова // Человек без границ. – URL: http://www.manwb.ru/articles/arteliterature/NewHeroe_NadGorlova (дата обращения: 10.10.2015)

7. Дубин, Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры / Б. В. Дубин. – М., 2004.

8. Евдокимов, Н. Счастливое кладбище / Н. Евдокимов // Дружба народов. – 2008. – № 3. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/3/evd7.html> (Дата обращения: 10.10.2015)

9. Ковтун, Н. В. «Деревенская проза» в зеркале утопии / Н. В. Ковтун. – Новосибирск, 2009.

10. Лобычев, А. На краю русской речи / А. Лобычев. – Владивосток, 2007.

11. Прасолова, Ю. В. И пусть шумит великий океан... / Ю. В. Прасолова // Лад. – 1999. – №1. – С. 18.

12. Прасолова, Ю. В. Открыт для диалога с читателем: по страницам «Литературного Владивостока» 2007 / Ю. В. Прасолова // Литературный Владивосток. – 2008. – №2. – С. 247–249.

13. Сенчин, Р. В. Если слушать писателей, все развалится / Р. В. Сенчин. – URL: <http://www.zaharprilepin.ru/litprocess/intervju-o-literature/roman-senchin-esli-slushat-pisatelei-vse-razvalitsya.html> (Дата обращения: 10.10.2015)

14. Сенчин Р. В. Лед под ногами. Дневник одного провинциала / Р. В. Сенчин. – М., 2010.

УДК 81-112.2

Т. Г. Станчуляк

Российский университет дружбы народов

РЕАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ИНТОНАЦИОННОЙ КАТЕГОРИИ ВЫДЕЛЕННОСТИ

Статья посвящена рассмотрению одного из аспектов интонационной категории выделенности, а именно ее организующей функции. В данной связи проводится разграничение между эмоционально-нейтральной и экспрессивно-модальной выделенностью, при этом только первая остается в ракурсе освещения в рамках статьи. Также рассматривается проблематика соотносительности интонационной выделенности и языковой нормы и связанное с этим распределение выделенных единиц по степеням выделенности, затрагивается вопрос отношения выделенности к актуальному членению. Кроме того, проводится попытка объяснения генезиса интонационной выделенности путем апелляции к внутренним механизмам порождения речи.

Интонация, интонационная выделенность, функции интонации, норма/вариативность, текст, смысл.

The article deals with intonation prominence in its connection to the organizing function of intonation. Intonation is looked at as being related to the linguistic norm and variation, so that it is possible to classify intonation prominence according to the degrees of its performance. An attempt to establish the correlation between intonation prominence and actual division of the sentence as well as to show the wider meaning of the prominent items has been made. What is more, the origin of intonation prominence is backtraced to the internal mental processes of speech creation.

Intonation, intonation prominence, intonation functions, norm vs. variety, discourse, meaning.

Введение

Вслед за В. Б. Касевичем, доказавшим нисходящий характер процессов восприятия [9], мы полагаем, что и восприятие текста также носит нисходящий характер, а именно: начинается с анализа его интонационной структуры. К настоящему времени бесспорно признан тот факт, что между интонацией и смыслом существует теснейшая связь. Так, прежде всего, следует отметить то, что интонация является одним из важнейших лингвистических средств, осуществляющих цельность и связность текста.

Вместе с тем, известно, что механизм действия интонации заключается в том, что она, прежде всего, делит речевой поток на составляющие единицы: синтагмы, фразы, сверхфразовые единства. Такое разделение служит важнейшим условием восприятия и понимания сообщения. Кроме этого, интонации принадлежит функция определения степени важности составляющих его единиц, так что выделенные элементы облегчают поиск релевантной информации в тексте.

Три описанные функции интонации традиционно называются интегративной, делимитативной и выделительной.

Цель данной статьи – осветить некоторые аспекты выделительной функции интонации и объяснить сущность ее реализации посредством интонационной категории выделенности.

Основная часть

Давно известно, что интонация не накладывается на готовый текст, а формирует его еще на уровне зарождения, и, как следствие, играет далеко не последнюю роль в реализации смысловой программы текста, становясь актуализатором смысловых отношений в нем. Интонационная структура способна указать слушателю на смысловую значимость различных элементов речевого сообщения, выступая таким образом как некий ориентир в осмыслении информативной программы текста.

Разделяя речевой поток на составляющие компоненты, интонация в то же время создает систему содержательных взаимоотношений как между этими компонентами, так и между совокупностями этих компонентов. Как следствие, посредством присущих ей просодических характеристик интонация «высвечивает» путь к пониманию смысла. Совокупность этих характеристик реализуется в такой интонацион-